

С. Б. СОРОЧАН

СВЕТИЛЬНИК И СВЕЧА В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ, ИЛИ ДВЕ ЭПОХИ ОСВЕТИТЕЛЬНЫХ ПРИБОРОВ

Свет огня, каждодневно разгоняющий тьму... Что могло быть более привычным, будничным для любого человека греко-римского общества? Быт во всех его разнообразных проявлениях постоянно заставлял обращаться к осветительным приборам, думать о том, как поддержать их неяркое, колющееся пламя. Казалось, это было самое незыблемое, застывшее в своей неизменности. Тем не менее проходили века, а с ними **шли изменения** и в способах поддержания света. Незаметные подчас для современников сдвиги накапливались, нарастали и в этой сфере, в конечном итоге неся с собой коренной качественный **переворот**. Можно ли заметить его сейчас, понять причины, смысл и суть происходивших перемен, зревших где-то на переломе двух эпох, — уходящей античности и надвигавшегося раннего средневековья, сголь несправедливо получившего у историков название «темных веков»?

Обычно происходившее представляется в виде незатейливой схемы: Византия стала наследницей греко-римской цивилизации, получив от этой цивилизации традиционные массовые осветительные приборы — глиняные светильники; их со временем немного пополнили лампы и свечи, а дальше... дальше следовал провал, **черная молчащая пустота VII — IX столетий**, за пределами которых проблемы освещения как бы вообще не существовало. Само собой подразумевалось, что **ее решали с помощью неких «ламп» и факелов**. Таким образом, историкам выделялся лишь прогрессирующий упадок, но не сдвиг. Очевидно, нужен общий и вместе с тем достаточно детальный **взгляд на происходившее**, чтобы попытаться наметить новый вектор оценки, пусть и **далекой** от универсальной скалярности. Только такой подход позволяет **приоткрыть завесу умолчания** над целым пластом мало известной нам повседневной жизни, **непрочные следы** которой запечатлелись во вскользь брошенных фразах византийских писателей и в хрупких обломках материальной культуры ромеев. Последние, **перемолотые в жерновах столетий** и похороненные в слоях земли, нам приходится воссоздавать зачастую по крошечным фрагментам, с трудом складывающимся в целое и **меняющим невидящую мозаику** канувшего в Лету на относительно ясную историческую панораму.

Итак, рождение Восточно-Римской империи совпало с **началом нового этапа** в развитии производства хорошо известных к тому времени **классических светильников** так называемого римского типа, отличавшихся закрытым округлым, **яйцевидным** или **грушевидным туловом**, которое заправляли оливковым маслом, наливая его через небольшое отверстие на слегка углубленном щитке. Уже перед этим, в III в. н. э., непосредственное влияние Италии в области изготовления глиняных ламп, обычно покрытых плохим красным или бурым лаком, стало уменьшаться, появилось множество новых характерных провинциальных местных типов, вариантов, впрочем, объединенных некоторыми едиными чертами.

Прежде всего, качество глины, обжига и общие очертания изделий становились в целом заметно хуже. Как ведущая тенденция отмечается огрубление форм декора и диспропорциональность. Изделия, по-прежнему послушно выходявшие из рук мастера-копюласта, наполнялись неким новым духом — духом холодной, бездушной стилизации. Казалось, они проникались изнутри этим знаменем надвигавшихся новых времен. Вместе с тем рождались новые, более простые, чем прежде, методы украшений и новые, более грубые, декоративные элементы. Иногда мастера прибегали к дополнительной проработке неясных линий оттиска ретушью, которую выполняли заостренным стержнем. Ручка очень часто оставалась только в форме рудиментарного, уплощенного, не проколотого выступа, а иногда имела вид «стожка». Все явно было рассчитано на массовое производство и сбыт, на потребление самыми широкими слоями населения с их нехитрыми запросами. Изредка встречавшиеся превосходно выполненные экземпляры не могли изменить опростившуюся и вместе с тем насыщенную общую картину. Не случайно большинство исследователей сходится во мнении, что самые поздние античные светильники вызывают значительные трудности как при классификации по отдельным столетиям, так и в локализации мастерских [1, s.181; 2, 3, p. 227-228; 8, p. 80].

В IV веке можно выделить следующие ведущие центры экспортного производства ранневизантийских светильников: Греция (Аттика, Коринф), Египет, Мавритания, Сирия, северное и северо-западное побережье Малой Азии и Фракия. Основная часть типов изделий, выпускавшихся этими центрами, существовала во времени параллельно более или менее долго, иногда в течение двух столетий. Так, на обильных, насчитывающих тысячи находок, материалах раскопок из Херсонеса-Херсона в Таврике можно видеть, что к началу IV в. стали доминировать рубчатые светильники, или иначе — светильники с лучевой орнаментацией, частью производившиеся в эргастирнях-мастерских причерноморских городов, так называемые светильники-кувшинчики характерной биконической формы, которые встречаются вместе с поздними аттическими, коринфскими, сирийско-палестинскими, египетскими изделиями и маленькими яйцевидными грубыми светильниками [4, с. 43 — 50; 5, с. 96 — 99, рис. 1, 3-4; 6, с. 233 — 237; 7, p. 308 — 322; 34, pl. 20; 34 — 43; 8, 59, 63, 67, 68, 70, 75 — 80, 82 — 84, 89 — 91; ср. 9, с. 127 — 131, рис. 5, 5-6; 6]. К концу столетия видное место в ассортименте заняли великолепные краснолаковые светильники, происходившие преимущественно из Александрии и Карфагена, и коптские лампы со щитком, оформленным в виде туловища лягушки, которые удачно конкурировали с изделиями позднеантичных малоазийских мастерских и Аттики [10, с. 61, 64 — 65, 69-71, 73-74, рис. 29, 1-2, 5; рис. 30; 32, 1-2; 33, 1, 5; 36]. В V-VI веке появились так называемые фракийские («византийские») светильники с фигурными ручками в виде человеческой головы, треугольной или овальной наставки, креста, как и североафриканские («средиземноморские») экземпляры, отражавшие в своем декоре бесспорное влияние христианской религии [11, с. 97 — 100, рис. 5 — 6; 12, с. 39; 34, p. 86 — 88, 436, type 11; 8, p. 155 — 174, 93 — 105, 108 — 110].

Лампы были в каждом жилом доме, мастерской, лавке, их вешивали перед ними, в портиках, ставили в ниши в стенах или располагали по земле, у дверных порогов, наконец, клали в склепы, кое-где почти в каждую третью-четвертую могилу [39, с. 113-114, 189; 13, с. 149 сл.]. Образно говоря, свет светильников служил каждой живой и мертвой душе. Аммиан Марцеллин писал, что освещение Антиохии ночью по силе не уступало дневному свету [95, XIV. 1.9]. Византийские жития, исторические сочинения и хроники VI-VII вв. еще не перестали упоминать о светильниках (to lampron или просто phos, ru — «свет», «огонь») [14, col. 181 C; 15, p. 725, 17; 16, col. 1709 B], в том числе висячих (kandela) [17, p. 267, 6; 285; 15, p. 468; 546, 17; 18, col. 3056 C; 19, col. 3429 D; 16,

col. 1708 D). В это время продолжали делать не только глиняные, но и бронзовые, иногда фигурные лампы, канделябры к ним, подвесные люстры — лампадофоры, необходимые для освещения больших помещений, храмов, баптистериев-крещален, церквей, часовен, мартириев [20, с. 13, илл. 18-21; 21, с. 5, ил. 9; 22, с. 611].

Светильник (*lychnos, lychnia, lampas, lampter*) не исчез из обихода, а значит, и из ремесла, торговли в течение последующих столетий. Например, его то и дело упоминали в разных терминологических вариациях, хотя чаще в переносном значении, Георгий Монах и Продолжатель Амартола [23, р. 279, 292, 353, 614; 24, р. 38, 20]. По словам Стефана Савваита, именно зажженную лампу (*lamproun*) нес в пещерную церковь монах-молчальник Сергей, желая в глубине ее рассмотреть тела иноков, зверски убитых сарацинами в 796/797 году [92, sec. 44, с. 35, 40]. Единичные глиняные светильники, покрытые сверху поливой, встречаются при раскопках Большого императорского дворца в слое стадии II («позднеисаврийский период») вместе с монетами от Юстиниана II (685 — 695, 705 — 711) до Льва V (813 — 820) [25, р. 38, pl. 19, 38]. Изготавливались они и позже, в палеологовскую эпоху [26, р. 120, fig. 29, b]. Лихны-светильники упоминались наравне с лампаками в письмах поздневизантийских корреспондентов [27, с. 90]. Прimitивные, хотя и поливные, глиняные плоские с защипом по краю для укладки фитиля встречаются наряду с гораздо более многочисленными керамическими подсвечниками при раскопках некоторых средневековых городов Крыма в генуэзских и османских культурных слоях XIV-XVIII вв. [28, с. 195-208]. Давно и прочно вошедшие в быт, они не будут никогда забыты и заброшены, в разных внешних модификациях оставаясь достоянием цивилизации и Византии, и Золотой Орды, и средневекового Запада.

Однако примечательно, что с VI-VII веков такие письменные и археологические свидетельства становятся все реже. Все известные нам каталоги и публикации светильников не случайно ограничиваются названными выше хронологическими рамками. Очень редкими и, как правило, невыразительными становятся прежде столь многочисленные светильники в закрытых комплексах, относящихся к этому времени [29, с. 246-250; 30, с. 3-14; 31, с. 217, рис. 3, 4]. Грушевидные глиняные лампы с широким каналом от щитка к удлиненному рожку по сути дела остаются последним типом, завершившим к середине VII века финальный этап длительной эволюции осветительных приборов этого вида.

Зато тогда же значительно возрастает количество стеклянных лампад и рюмкообразных сосудов, которые, судя по крошечным кольцевидным ручкам на бортике, служили не только для питья [32, р. 139]. Бронзовые люстры — лампадофоры V в. с многочисленными рожками, оканчивающимися горизонтальными кольцами, явно предназначались для установки лампад, а не светильников римского типа, не годившихся для этого в силу своих конструктивных особенностей [43, с. 15]. Исчезает прежде столь важная в погребальном обряде роль глиняных ламп [ср. 13, с. 153]. Точнее, их и здесь заменяют иными осветительными приборами. Так, описывая похороны императора Тиверия II в 582 г., Феофилакт Симокатта вспоминал, как всю ночь, до самого рассвета, длилось печальное пение псалмов «при зажженных лампадах», что оставило тяжелое впечатление [63, I, 2, 4].

Уже с IV в. в широкое обращение во всех греко-римских провинциях входят стеклянные кубки с коническим туловом, которые бытовали до VI в. Об их использовании в качестве осветительных приборов свидетельствуют находки такого рода лампад со следами масла на стенах и изображения подобных подвешенных сосудов на надгробии из Рима или на мозаике синагоги из Hammat Tiberias, где они показаны укреп-

ленными на концах семисвечника — меноры [33, р. 156]. С самого начала такие изделия не уступали в популярности глиняным светильникам. В них наливали воду, а поверх нее — слой масла, в который опускали фитиль. Примечательно, что в Херсонесе ввоз стеклянных лампадок начал проследиваться во второй пол. IV в. и шел параллельно импорту светильников [10, с. 72].

С конца V в. и до VIII в. среди осветительных приборов стал доминировать тип лампы с полусферическим или цилиндрическим широким туловом с выпуклым краем и узкой ножкой, которая вставлялась в лампадофор [34, р. 400, fig. 150, 37, 38; 35, р. 213, fig. 160, 133; 36, р. 260]. Остатки такого лампадофора из синего стекла были найдены в Херсонесе в комплексе третьей четверти V в. В целом виде он имел диаметр 24,5 см и высоту 12,5 см. На его горизонтально отогнутом бортике шириной около 7 см было шесть отверстий диаметром 2,5 см для установки лампад, а между ними на одинаковом расстоянии друг от друга были размещены три овальных отверстия для подвешивания [37, с. 105-106, рис. 8].

А. А. Голофаст, собравшая всевозможные материалы о находках ранневизантийских лампад в Херсонесе, выделяет среди них несколько типов и подтипов, аналогии которым обнаруживаются в других районах византийского мира в Причерноморье и Средиземноморье IV-VII вв. Среди них — конические лампы с выпуклым сферическим дном; лампы с выпуклым коническим дном, украшенные стеклянной каплей либо наклепным «бутоном», как правило, из ярко-синего стекла; лампы с тремя петлевыми круглыми или овальными в сечении небольшими ручками, за которые они подвешивались к кронштейну или горизонтально расположенному кресту [37, с. 94 — 106]. Скорее всего именно такие осветительные приспособления имел в виду сирийский хронист Йешу Стилит, когда писал, что Анастасий, новый игемон-градоначальник Эдессы, прибывший в конце 496/497 г., в числе прочих мер по благоустройству этого византийского города приказал ремесленникам накануне каждого воскресенья подвешивать над лавками кресты с пятью зажженными «светилами» (*phanoi*) [40, ch. 29].

Опять-таки с конца IV в. в обиходе появилась часть так называемых рюмок (сосудов на ножке), которые, несомненно, использовали в качестве лампад, на что указывают небольшие петлевидные ручки для подвешивания на некоторых из них и находки обломков таких сосудов во время раскопок общественных зданий, базилик, где они не могли бы быть использованы в качестве столовой посуды [32, р. 139 — 140; 38, р. 86; 35, р. 205]. В VI-VII вв. «рюмки» являлись преобладающей формой стеклянных сосудов и доминирующим типом практически во всех византийских центрах [41, с. 98 сл.; 42, с. 314].

Подобные изделия, несмотря на сокращение их количества, продолжали играть роль осветительных приборов и позже, как можно понять со слов константинопольского патриарха Фотия (858 — 867, 877 — 886), упоминавшего в одном из своих писем о вечернем времени, «...когда уже лампы зажигают» [44, с. 12]. Под названием *yalion* (*yelion*) их серийно выпускали в IX-X вв. и продавали на вывоз стеклоделательные эргастрии Фасианы в Армении, о чем рассказывалось в Чудесах св. Евгеня Трапезундского [45, р. 52 — 59].

Составленный к концу IX века законодательный свод империи — *Василики* и «Книга церемоний византийского двора» упоминают канделябры (*kandelabron*, *kandelabra*, *kandelaptes*), но нельзя поручиться, что, как и античные подставки, они служили лишь для ламп [46, XV. 4.6; XLIV. 13.3; 15.19.1; 47, р. 724, 4]. Некоторые из найденных при раскопках Херсонеса бронзовых подвесных подсвечников «византийского времени» руководивший работами К. К. Косцюшко-Валюжинич считал возможным рассматривать как держатели светильников со сквозным отверстием в центре тулова, на что, по

его мнению, указывали заостренные штыри на канделябрах [48, с. 80, рис. 37 а-б]. Однако светильники такой конструкции выпускали не позднее самого начала эллинистической эпохи [Ср. 91, р. 15 — 17, 1; 3, р. 31 — 32, 6 — 8, 21 — 22]. Их не использовали уже римляне и тем более они не известны в средневековых городах. Штырь же прекрасно служил для того, чтобы держать насаженную на его конец толстую восковую свечу.

Падение производства, по сути дела вырождение светильников в архаические, невыразительные, чаще всего открытые плоски (в последнем случае иногда многоярусные [87, с. 314 — 315, рис. 169; 88, с. 35, рис. 19; 8, р. 177]), прослеживается и после IX — X вв., что заставляет искать объяснение происходившим изменениям в этой сфере товарного ассортимента в постоянном и все более глобальном преобладании новых способов освещения, уверенно теснивших старые. В противном случае пришлось бы признать, что с VII века и простые, и знатные ромеи, избегая чего-либо иного, из столетия в столетие довольствовались в своих домах и храмах преимущественно светом очагов и факелов. Разумеется, последние были существенным подспорьем в решении проблемы освещения. Спрос на них был всегда стабилен. Как можно понять из рассказов об авве Пимене Великом, даже монахи в некоторых киновиях в V веке специально занимались изготовлением факелов на продажу, а полученные деньги вкладывали в закупку нитей и прочего необходимого сырья, дабы работа не останавливалась [49, с. 318 — 319, гл. 9]. Книга епарха — сборник предписаний для константинопольских торгово-ремесленных корпораций, отразивший ситуацию, сложившуюся к концу IX века, отмечал как само собой разумеющееся, что часть дохода, приносимого эргастрием, отчислялась на приобретение факелов (*toy dadon*) [50, XVIII, 1]. И все же должно было быть нечто кардинально новое и достаточно массовое, способное год от года все более плотно заполнять пустоту, нарастающую по мере исчезновения с рынка светильников римского типа. Очевидно, помимо лампад, численно уменьшившихся к VIII веку, такую роль могли сыграть только свечи, постепенно занявшие среди осветительных приборов позицию безусловного лидера.

Собственно, Византия не открыла что-то принципиально новое в освещении. Она уже давно была знакома с тем, что вызвало отнюдь не стремительный переворот в этой жизненно важной сфере. С IV века источники все чаще пестрят упоминаниями о свечах (*cereus, cerula, keros, keriolos, kerinos*) [51, col. 229 C; 52, II, 205, col. 309 A; 53, col. 689 B; 54, col. 1537 A; 55, col. 309 A; 17, р. 467, 16; 15, р. 530,7; 605, 3; 56, р. 527,5; 57, sec. 9, р. 62,9; 50, XI, 4, 6; 47, р. 65,12; 125, 25], причем это были свечи из воска, который обозначался одним с ними термином [Ср. 56, р. 329, 18; 50, XI, 3]. Впрочем, Георгий Амартол прибегал в таких случаях к использованию еще одного, гораздо более редкого слова-синонима (*phatlion*) [56, р. 538, 14].

Уже во времена Иоанна Хрисостома, когда гегемония светильника еще казалась неизбежной, свечи достаточно широко использовали в быту, приобретая их и для освещения жилья, и для совершения похоронных обрядов [58, col. 560]. Автор Жития Пахомия вспоминал, как «бесчисленные свечи» все время сопровождали архиепископа Афанасия во время его путешествия по Фиваиде [59, с. 113 — 114]. По словам Сократа Схоластика, без них не обходилось совершение молитв или изъяснение Св. Писания, их зажигали по субботам, перед вечерней, не говоря уже о ночных песнопениях, устраиваемых христианами иногда прямо под открытым небом, на городских улицах [60, V, 22; с. 230; VI, 8; с. 250].

Особенно много восковых свечей требовалось в церковные праздники, во время торжественных событий, похорон, ярмарок — панигиров, собиравших массу людей.

К примеру, когда тело почившего в 459 г. Симеона Стилита антиохийский епископ Мартирий и стратилат Ардавурий готовили к захоронению, рассказывал ученик знаменитого аскета Антонин, «...горы не было видно от толпы, свечей, фимиама и горящих лампад», а затем навстречу траурной процессии вышел весь город «...со свечами и песнопениями» (*meta keron kai umnon*) [61, sec. 23, 28; с. 83 — 85]. Точно также перевозка мощей еще одного высокочтимого столпника — Симеона Стилита Нового (521 — 592) в Антиохии сопровождалась тем, что «...весь город в белых одеждах со свечами и лампадами (*но не керамическими светильниками!* — С. С.) вышел встречать останки святого» [62, с. 35].

Свечи обязательно покупали для каждодневных богослужений, регулярно отправлявшихся литургий, в том числе сами духовные лица, как, например, это делал диакон церкви Св. Софии из рассказа о Чудесах вмч. Артемия [64, р. 25, mir. 21]. Оттуда же известно, что они были разные — обычные, стоившие дешевле, и более дорогие, со специальным покрытием [64, р. 26 — 28]. Это сравнительно раннее описание на удивление традиционно перекликается с поздневизантийским свидетельством о простых свечах и тех, которые были украшены христианскими символами, узорами, нанесенными «золотом» [65, col. 64]. Вместе с тем массовость этого товара проявлялась в том, что, как можно понять из Книги епарха, он продавался на вес, с помощью неравноплечного кампана — безмена с контргрузом-противовесом, каким отмеривали отнюдь не штучные покупки [50, X1, 9; 39, с. 109].

И Иоанн Малала, и более поздние византийские авторы сообщают, что при императоре Феодосии II в 540-х гг. просвещенный константинопольский патрикий и епарх Кир Софист (Философ), который «пекся о всем деле», «изобрел» (*epenoese*) какой-то особый, доселе не известный ромеям, способ освещения для эргастириев [17, р. 361, 5 — 362, 3; 93, XIV.4.15 — 25, с. 12; 66, t. 1, р. 598, 22]. Его восхваляли наравне с другими славными делами этого знаменитого градоначальника, то есть сравнивали с «обновлением» (*ananeosanta*) всего Константинополя, пострадавшего после землетрясения, с постройкой новой городской оборонительной стены — жизненно важным государственным мероприятием, и значит, **это действительно было серьезное нововведение, заменившее прежние привычные светильники. Не исключено, что это могли быть подвесные стеклянные лампы либо восковые свечи, которые стали все более прочно входить в обиход как раз с IV — V веков, постепенно вытесняя светильники римского типа.**

Позднеантичный Херсонес — **ранневизантийский Херсон, один из самых значительных городов-крепостей Таврики, тоже попал в русло происходивших общих сдвигов и процессов, о чем свидетельствуют находки фрагментов осветительных приборов, которые археологи трактуют как одну из разновидностей все тех же светильников. Именно так и только так они представлены во всех имеющихся отчетах о раскопках. Оказавшись в одних комплексах с прочими светильниками, они как бы слились с ними в один фон, затерявшись в общей массе.**

Между тем, особенности конструкции подобных предметов не оставляют сомнений, что перед нами особый тип едва ли не самых ранних глиняных светильников — свечников, которые бытовали в Херсонесе — Херсоне одновременно с поздними типами традиционных светильников, а возможно, и изготовлялись в одних с ними гончарных эргастириях (рис. 1, 1-3). В отличие от формованных в двухстворчатой матрице ламп римского типа, они делались на гончарном круге в виде аккуратной тонкостенной керамической круглой площадки-подставки высотой 4,5 — 6 см и диаметром 9 — 12 см, на дне которой прикреплен прямо стоящий пустотелый стержень высотой 6 — 7 см и диаметром 4,5 — 5 см со слегка отогнутым наружу венчиком горла, соединенный наклепной дуговидной плоской ручкой с краем площадки. Свеча вставлялась в горловину трубки,

а оплавленный во время горения воск скапливался в плошке-подставке, вытекая через отверстие, предусмотрительно прорезанное у самого основания трубки. Несомненно, ценным сырьем дорожили и остатки его, собрав, опять пускали в переработку.

Светильники-свечники такой же конструкции и очень схожих размеров, очевидно, считавшихся наиболее оптимальными, известны в позднеантичной Мезии, а также на древнерусских городищах XI-XIII вв. [67, с. 175-178, рис. I]. Херсонесские образцы фигурируют в отчетах К.К. Косцюшко-Валюжинича как «лампочки византийской эпохи» [68, с.6; 69, с.85; 48, с. 71;

70, с.43-44; 71, с. 115]. Однако находки их в могиле вместе с монетами боспорского царя Савромата II и херсонесской элевтерии около 230 г. н.э. [71, с. 96, 1960], в склепе, погребальный инвентарь которого содержал херсонесские монеты 211-217 гг. н.э. и индикации с римских монет императора Гордиана III (238-244) [72, с.55, 2286], а также в насыпи цистерны винодельни с комплексом материалом, не выходящим за пределы IV в. [73, с. 184-197, рис. 38, д], позволяют полагать, что как особый вид осветительных приборов они уже существовали к концу III в., получив дальнейшее распространение в последующие столетия.

Существенное сокращение количества находок светильников в VI-VII века, деградацию их типов трудно объяснить иначе как увеличением значения свечей в освещении и, значит, ростом спроса на них. Даже в менталитете место зажженного светильника, как символа души, символа света, отвращающего зло, заняла зажженная свеча [Ср. 74, с.115, гл. 45; 13, с. 148 — 154], а в погребальном обряде стали прибегать к поликандилам-многосвечникам [94, сс. 24, с. 57, 66], что указывает на корреляцию представлений социума под влиянием изменявшихся бытовых реалий повседневности. Сам термин *lampas*, применявшийся прежде лишь к светильнику, переносится теперь на восковую свечу [53, col. 689 B; 23, p. 225]. Толчком же к окончательному перелому рыночной ситуации в пользу последней могло стать увеличение выпуска свечей, стимулированное стремлением ромеев компенсировать потерю источников внешних поставок

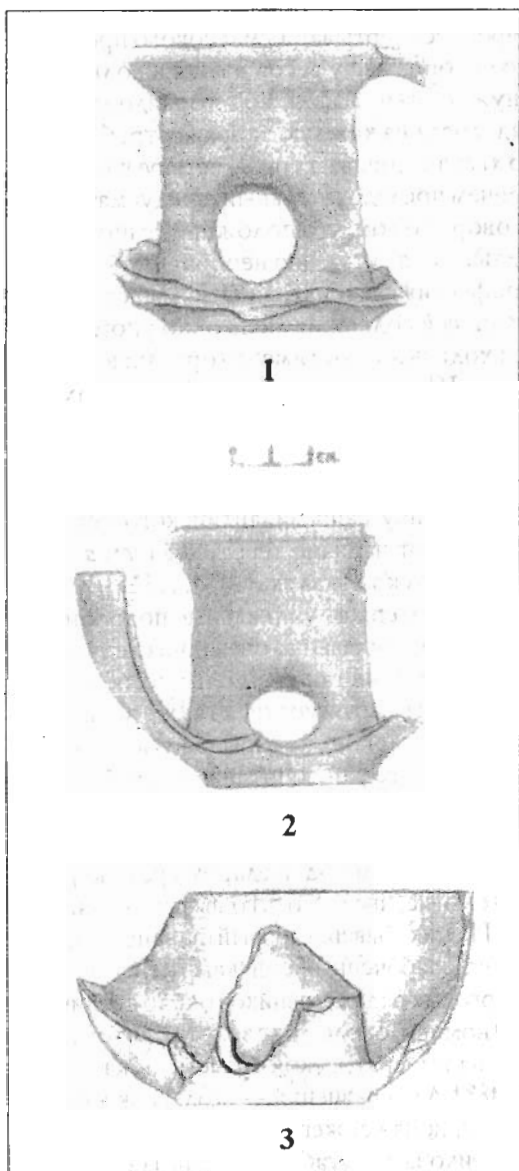

Рис. 1. Ранневизантийские керамические светильники-свечники из Херсонеса (НЗХТ, инв. 75/36713, 3/36849, 33/36789)

оливкового масла в ходе развертывавшейся эскалации военных действий воинов ислама [75, р. 72]. Растительное масло и прежде находилось в числе товаров, подлежащих своеобразному «продуктовому протекционизму», с помощью которого правительство преследовало фискальные цели, а также стремилось предотвратить волнения, связанные с нехваткой продуктов первой необходимости [76, IV.41.1; 77, с. 123 — 124]. Разумеется, захват арабами Египта, эвакуация ромеев, на последних кораблях покидавших Александрию, а затем потеря к концу VII века североафриканских владений империи — давних основных экспортеров оливкового масла — не могли не активизировать уже шедший к тому времени процесс свертывания массового производства глиняных светильников, окончательно склонив чашу весов рынка в пользу восковых свечей. Для их производства тоже нужно было масло, но в гораздо меньших количествах, чем для светильников и лампад, когда на каждую заправку требовалось около 30 — 50 граммов горючего, которого хватало лишь на три — четыре часа работы осветительного прибора такого типа. Причем последовательный, предусматривавшийся Василиками, запрет на вывоз масла говорит о том, что положение с ним столетиями не менялось к лучшему и делало создавшуюся ситуацию необратимой.

Закономерную эволюцию пережила и профессия свечника, во II — III веках весьма редкая. Обширный Корпус латинских надписей содержит лишь одно упоминание керария [78, № 2112]. Впрочем, свечи могли входить в ассортимент торговцев товарами из воска, известных в греко-римском Египте III — IV вв. под названием кироматиков (*keromatikos*) [79, с.31; 80, с. 128]. Очевидно, позднейшие кируларии, они же — кирополы, полностью унаследовали их функции.

Судя по количеству упоминаний в источниках, специальность свечника достигла достаточно широкого распространения именно к концу ранневизантийского периода. Письма и латинские папирусы VI-VII вв. фиксируют наличие кереариев (*cerearius*) в городах византийской Италии, в Пентаполе и Раввенском экзархате [81, с. 115]. Чудеса вмч. Артемия, записанные во второй трети VII в., содержат уникальные подробности относительно этого ремесла. Из рассказа агиографа совершенно очевидно следует, что кируларий (*kyroularios*), обосновавшийся в одном из константинопольских портиков, и производил, и продавал свечи разного вида, качества, стоимости, а также занимался переливанием разбитых, поломанных свечей (но не огарков), которые ему возвращали [64, р. 26 — 28, mir. 21; ср. 50, XI, 6]. Когда диакон Стефан, купивший «...за большие деньги» в лавке кирулария дорогие свечи, поскользнулся по дороге к гробнице-мартирию св. Артемия и сломал их, он «...вернул разбитые куски в эргастирий».

Специальность свечника давала, вероятно, неплохой доход. Недаром среди кирулариев в начале IX в. встречались весьма состоятельные, чье богатство вызывало зависть даже у византийской знати. Василевс Никифор I Геник, бывший первый финансист империи — начальник ее налогового ведомства, вечно озабоченный поисками денег, не случайно нашел объект своего вымогательства в торговых рядах свечников около столичной агоры Константина, а сумма в 100 фунтов (7200 номисм, около 32 кг золота), которую он запросил с кирулария за честь присутствовать на императорской трапезе, показывает, что у таких людей было что взять [82, р. 487 — 488]. Для сравнения — столько же приносил государственный сбор — «коммеркион панегириона» с ежегодной большой ярмарки в Эфесе [82, р. 469]. Согласно византийским Тактиконам — «табелям о рангах» IX в., такую сумму жалованья не получали за год крупные ромейские военачальники, стратеги самых важных военно-административных областей империи [ср. 39, с. 405 — 406].

Косвенно на прибыльность профессии свечника указывает также то обстоятельство, что кроме телесных наказаний или конфискации товара, имущества Книга эпар-

ха предусматривала для кирулариев в качестве наказания за нарушение установленных правил работы еще и денежные штрафы в 10 — 12 номисм (40-50 граммов золота), как это делалось только в отношении метаксопратов — торговцев шелковой нитью, мылоторговцев, бакалейщиков — салдамариев, тоже, очевидно, не бедных [50, XI, 5-7; ср. VI.13; XII, 1, 3, 5; XIII, 3]. О состоятельности свечников говорит и то, что среди них было немало домовладельцев, за плату сдававших помещения под жилье и работу в аренду нанимателям [50, XI.7; ср. 39, с. 121-133]

В отличие от средневековых западноевропейских мастеров, отливавших сальные свечи [83, с. 177 — 178, ст. LXIV], византийские кируларии должны были торговать только невыделанным и выделанным воском (*keron e anergaston e eirgasmemon*) и ничем иным, то есть воском и готовыми восковыми свечами, в свою очередь приобретая для целей производства пчелиный воск и чистое оливковое масло в нужном количестве [50, XI, 1, 3 — 5]. Кстати, нигде не сказано, что они занимались изготовлением «светильного масла» и продавали его, как иногда полагают исследователи [ср. 50, с. 208]. Лампады, светильники заправлялись обычным растительным маслом, которое можно было закупить у его производителей и у торговцев бакалейным товаром [50, XIII, 1] и которое не требовало какой-либо специальной, особой обработки. Дабы те, кто обращался к «повсюду торгующим» — пантаполам или салдамариям за покупкой масла, не приобретали у них еще и необработанный воск, нарушая тем самым монопольное право кирулариев, Книга епарха запрещала бакалейщикам вести перепродажу воска [50, XI, 8]. Но и свечники, по крайней мере столичные, должны были довольствоваться только своим собственным делом (*tecbne*) и, значит, не вести розничную торговлю растительным маслом, покушаясь на приоритетные права салдамариев [50, XI, 2]. Впрочем, само наличие ограничивающего предписания, стремление его зафиксировать, указывает на то, что в жизни такое разделение соблюдалось нечетко и корректировалось, исходя прежде всего из желаний и удобств покупателей. Законы, как всегда диктовал рынок, не обращая внимания на желания властей, вынужденных приспособляться к его запросам.

Ничем не подкрепляемое, прижившееся среди исследователей представление о том, что свечи были слишком дороги для повседневного употребления, не вяжется с тем распространением, которое в византийском городе к IX-X вв. получила профессия изготовителя и продавца свечей и воска — киропола (*keropoleios*) или кирулария (*keroularios*) [82, р.487; 56, р.565,11; 66, т.2, р. 39], а также с многочисленностью их мастерских-лавок, специализированных мест торговли — рыночных рядов, торговоремесленных кварталов (*ta keroylaria, ta keropoleia, ta keroyllareia, ta keropolon*) [56, р. 540,12; 84, р. 377.10, 420.15, 437, 715.12, 744.19, 870.21; 39, с.15-16, 58-60]. Производимого ими хватало бы куда больше, чтобы удовлетворить потребности молящихся и отправляющих прочие церковные обряды. Продукцией одних лишь тех свечных эргастариев, что тесно сгрудились у Св. Софии, можно было бы обеспечить не только главный храм империи, но и большую часть домов константинопольцев. А ведь это было не единственное в столице место торговли свечами!

Наконец, упомянутые бронзовые подвесные подсвечники из византийского Херсона тоже противоречат тому, что даже в церквях свечи возжигали якобы только перед иконами, а не для освещения [ср. 50, с. 208]. К тому же известны находки подсвечников, их игл и в городских усадьбах [85, л. 21 — 22, рис. 79]. Вообще, раннесредневековый Херсон жил торговыми интересами и, в частности, был хорошо известен как крупный центр реэкспортной, посреднической торговли воском [89, с. 322; 90, с. 115 — 120]. Василевс Константин Багрянородный отмечал в своем пространном наставлении сыну Роману, как

будущему императору ромеев, что его подданные-херсониты вступали в торговые соглашения с кочевниками, приходившими к городу, давали им «поручения», использовали для «служения» (*douleias*), которое те выполняли за вознаграждение в виде шелковых, льняных тканей, покрывал, лент, поясов, перца, красных парфянских кож и «других предметов, требуемых ими» [86, гл. 6.2-11, с. 40]. Основными же товарами, поступавшими в результате этих обменных операций в Херсон, были шкуры и воск, который херсониты на своих кораблях отвозили в Романию, то есть в заморские пределы империи. По словам василевса, без ведения такой торговли город не смог бы существовать, значит, она была жизненно необходима и составляла основной источник благосостояния для многих горожан [86, гл. 53.530 — 532, с. 274]. Учитывая, что под термином «кириа» (*ta keria*) мог подразумеваться не только воск, но и готовая продукция из него, отлитые свечи, логично допустить переработку хотя бы части от того большого количества сырья для свечного дела, проходившего через город и его порт, местными кирулариями с целью продажи изделий на вывоз. Конечно, экспорт готовой продукции был более прибыльным, чем поставки на рынок необработанного сырья, и едва ли местные предприниматели упустили бы такую выгодную возможность и конъюнктуру. Наряду с солью, продуктами сельского хозяйства и прочими разными, наиболее необходимыми, ремесленными изделиями, свечи и здесь, очевидно, попали в число самых обиходных, самых спросовых вещей, став одним из основных предметов местного производства.

Короче, чтобы зафиксировать нашу точку зрения, скажем, что светильники окончательно и бесповоротно отступили в VII веке перед свечами в повседневном употреблении, а еще раньше стали сдавать свои позиции перед стеклянными лампадами, которые в свою очередь не выдержали конкуренции со стороны постепенного, все более значительного роста значения восковых свечей в ассортименте товаров и тех, кто вел специализированную торговлю ими — кирополов, курулариев. В этом видится не кризис ремесла, а его переориентация на выпуск иных видов продукции, обусловленная главным образом объективными экономическими причинами и соображениями выгоды. Случившееся с полным правом можно назвать переворотом в деле производства и сбыта осветительных приборов. Именно свет восковых свечей рассеял мрак «темных веков», открыв новую страницу в повседневной жизни ромейского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bernhard M. L. Lampki starozytne.— Warszawa, 1955.
2. Shentleky T. Ancient Lamps.— Budapest, 1969.
3. Genito M. C. G. Lucerne fittili delle collezioni del Museo civico archeologico di Bologna.— Bologna, 1977.
4. Сорочан С. Б. Про так звані рубчасті світильники з Херсонеса // Археологія.— 1982. — № 38.
5. Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Египетские и сирийские светильники первых веков н.э. из Херсонеса // Вестник Харьковского университета.— 268: История СССР и зарубежных стран.— Х., 1985.
6. Залеская В. Н. Два раннесредневековых глиняных светильника из Северного Причерноморья // СА.— 1988.— № 4.
7. Zaiesskaja V. Les lampes paleochretienne en terre cuite de la cote septentrionale de la mer Noire // Archeion Pontou.— Athenes, 1987.— Т. 41.
8. Chrzanovski L., Zhuravlev D. Lamps from Chersonesos in the State Historical museum — Moscow. — Roma, 1998.

9. Сон Н. А., Сорочан С. Б. Античные светильники из Тиры // Античные древности Северного Причерноморья. — К., 1988.
10. Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных государств Северного Причерноморья в I в. до н. э. — V в. н. э. — X., 1989.
11. Сорочан С. Б., Шевченко А. В. Западнопонтийские светильники II — VI вв. из Херсонеса // Вестник Харьковского университета. — № 238: История и культура до-социалистических формаций. — X., 1983.
12. Залеская В. Импортные глиняные светильники IV — VII вв. в Северном Причерноморье // Международ. конф. «Византия и Крым», Севастополь, 6 — 11 июня 1997 г. / Тезисы докладов. — Симферополь, 1997.
13. Зубарь В. М., Сорочан С. Б. Светильники в погребальном обряде античных городов Северного Причерноморья // Античная культура Северного Причерноморья. — К., 1984.
14. Appendix ad Palladii Heleenopolitani episcopi Apophthegmata patrum // PG. — 1858. — Т. 65.
15. Chronicon Paschale ad exemptur Vaticanum rec. L. Dindorfius. — Bonnae, 1832. — Vol. 1.
16. Leontios Cyporum episcopi Vita Sti Symeoni Sali // PG. — 1864. — Т. 93.
17. Ioannis Malalae. Chronographia ex rec. L. Dindorfii. — Bonnae, 1831.
18. Beati Ioannis Eucratae liber qui inscribitur Pratum quod floridaam proferat vitarum narrationem coelestis roseti // PG. — Turnhout, 1976. — Т. 87 С.
19. Sophronii Patriarchae Hierosolomitani Narratio Miraculorum SS. Cyri et ioannis // PG. — 1864. — Т. 87.
20. Банк А. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. — М.; Л., 1966.
21. Банк А. В. Византийское искусство в собраниях Гос. Эрмитажа. — Л., 1966.
22. Культура Византии IV — первая половина VII в. — М., 1984.
23. Georgii monachi chronicon / Ed. C. de Boor. — Lipsiae, 1904. — Т. 1-2.
24. Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. — Пг., 1922 — Т. 2: Продолжение хроники Георгия Амартола по Ватиканскому списку № 153. Исследование.
25. Stevenson R. B. K. The Pottery, 1936-1937 // The Great Palace of the Byzantine Emperors. — London; Oxford, 1947
26. Talbot Rice D. The Byzantine Pottery // The Great Palace of the Byzantine Emperors. Second Report / Ed. D. Talbot Rice. — Edinburg, 1958.
27. Сметанин В. А. Византийское общество XII-XV веков по данным эпистолографии. — Свердловск, 1987.
28. Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Керамические подсвечники и светильники XV — XVII веков из Каффы // Херсонесский сборник. — 1998. — Вып. 9.
29. Романчук А. И. Комплекс VII в. из портового района Херсонеса // АДСВ. — 1973. — Вып. 10.
30. Романчук А. И. Слои VII — VIII вв. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. — 1975. — Вып. 11.
31. Голофаст Л. А. Комплекс VI в. из северо-восточного района Херсонеса // МА ИЭТ. — 1994 (1995). — Вып. 4.
32. Ising B. C. Roman Glass from Dated Finds. — Groningen; Djakarta, 1957.
33. Harden D. B. Roman Glass from Karanis found by the University Michigan Archaeological Expedition in Egypt, 1924-1929. — Ann Arbor University of Michigan Press, 1936.

34. Hayes J. W. Excavations at Sarachane in Istanbul.— Vol.2: The Pottery.— Princeton, 1992.

35. Foy D. Le verre de la fin du IVe au VIIe siècle en France Méditerranéenne (premier essai de typochronologie) // Le verre de l'antiquité tardive et du haut moyen âge.— Val d'Oise, 1995.

36. Sternini M. Il vetro in Italia tra Ve — IXe secoli // Le verre de l'antiquité tardive et du haut moyen âge.— Val d'Oise, 1995.

37. Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса: Дисс....канд. ист. наук (рукопись) / Институт археологии РАН. — М., 1998.

38. Hayes J. W. Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum.— Toronto, 1975.

39. Сорочан С. Б. Византия IV — IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена.— Харьков, 1998.

40. Joshua the Stylite. The Chronicle Composed in Syria A.D. 507 / Ed. by W. Wright. — Cambridge, 1882.

41. Голофаст Л. А. Комплексы стеклянных изделий конца VI — начала VII в. из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма.— Симферополь, 1995.

42. Голофаст Л. А. К вопросу о стеклоделии в ранневизантийском Херсонесе // МАИЭТ.— 1998.— Вып. 6.

43. Лазарев В. Н., Банк А. В. Искусство Византии в собраниях Советского Союза. Краткий путеводитель.— Л., 1975.

44. Литаврин Г. Г. Как жили византийцы.— М., 1974

45. Rosenquist J. O. Lamps for St. Eugenics: A Note on Byzantine Glass // Eranos. -1994.— Т. 92.

46. Basilicorum libri LX / Ed. C.G.E. Heimbach, G.E. Heimbach.— Lipsiae, 1833.— Т. I (Lib. I — XII); 1840. — Т. 2 (Lib. XIII — XXIII); 1843.— Т. 3 (Lib. XXIV-XXXVIII); 1846 — Т. 4 (Lib. XXXIX-XI.VIII); 1862 — Т. 5 (Lib. XLIX — LX).

47. Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo graece et latino, e rec. Io. Iac. Reiskii.— Vonnae, 1829. — Vol.1.

48. Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Гаврическом в 1903 году // ИАК.—1905.— Вып. 16.

49. Достопамятные предания о Пимене Великом // Христианское чтение.— 1821.— Ч. 3.

50. Византийская книга Эпарха: Вступит. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова.— М., 1962.

51. S. Athanasius Alexandrinus.— Т. I // PG.— 1884. — Т. 25.

52. Nili Ancyranae Opera omnia // PG.— 1864.— Т. 79.

53. Socratis Scholastici; Historia ecclesiastica // PG.— 1864.— Т. 67.

54. Sozomeni Historia ecclesiastica // PG.— 1864.— Т. 67.

55. Ioanni Monachi opuscula // PG.— Tunhout, 1976.— Т. 86 А.

56. Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исслед. и словарь.— Пг.— 1920.— Т. 1: Текст.

57. Vita S. Euthymii / Ed. P. Karlin-Hayter // Byzantion.— 1955 — 1957. — Т. 25 — 27.— Fasc. 1.

58. Ioannis Chrysostomi Opera omnia quae extunt... Opera et studio B. De Montfaucon / Accurant et denuo rec. J.-P. Migne // PG.— 1862.— Т. 48.

59. Троицкий И. Обзорение источников начальной истории египетского монашества.— Сергиев Посад, 1907.

60. Сократ Схоластик. Церковная история: Статья, коммент. И. В. Кривушина. — М., 1996.
61. Антоний. Житие преп. Симеона Столпника // Сборник палестинской и сирийской агиологии / Изд. А. И. Пападопуло-Керамевсом с рус. пер. В. В. Латышева. — ППС. — СПб., 1907. — Вып. 57. — Т. 19. — Вып. 3.
62. Жизнь и деяния блаженного Симеона Столпника (VI в.) // Византийские легенды / Изд. подг. С. В. Полякова. — М., 1972.
63. Theophylacti Simocattae Historiae / Ed. C. de Boor. — Lipsiae, 1887.
64. Diegesis ton thaumatou tou agiou... Artemiou // Varia graeca Sacra. Сборник греческих неизданных богословских текстов IV-XV веков с пред. и указат. изд. А. Пападопуло-Керамевсом. — Записки СПб ун-та. Ист.-филол. ф-т. — 1909. — 4.95.
65. Codinus Cuiuspalata // PG. — 1864. — Т. 157.
66. Georgius Cedrenus Ioannis Scytzae ope ab li. Bekkeri suppletus et emandatus. — Bonnæ, 1838. — Т. 1; 1839. — Т. 2.
67. Петасюк Н. П. Свічки з Софійського собору в Києві // Археологічні дослідження стародавнього Києва. — К., 1976.
68. Отчет о раскопках в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 год // ОАК за 1896 г. — СПб., 1898.
69. Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году // ИАК. — 1902. — Вып. 4.
70. Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 году // ИАК. — 1906. — Вып. 20.
71. Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. — 1907. — Вып. 25.
72. Косцюшко-Валюжинич К. К., Скубетов М. И. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 году // ИАК. — 1911. — Вып. 42.
73. Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л. Квартал XVIII [Херсонеса] (Раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // МИА. — 1953 — № 34.
74. История епископа Себеоса: Пер. с 4-го испр. арм. изд. Ст. Малхасянц. — Ереван, 1939.
75. Lopez R. S. The Role of Trade in the Economic Readjustment of Byzantium in the Seventh Century // DOP. — 1959. — № 13.
76. Corpus juris civilis. — Berolini, 1895. — Vol. 2: Codex iustinianus / Rec. P. Krueger.
77. Сорочан С. Б. Случайность или система? Раннесредневековый византийский «меркантилизм» // Древности 1995. — X, 1995.
78. Corpus inscriptionum latinarum / Ed. T. Mommsen. — Berolini, 1873. — Vol. 3.
79. Фихман И. Ф. Египет на рубеже двух эпох: Ремесленники и ремесленный труд в IV — середине VII вв. — М., 1965.
80. Фихман И. Ф. Оксирих — город папирусов. — М., 1976.
81. Бородин О. Р. Византийская Италия в VI — VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). — Барнаул, 1991.
82. Theophanis Chronographia ex rec. C. de Boor. — Lipsiae, 1883. — Vol. 1: Textum graecum continens.
83. Регистры ремесел и торговли города Парижа // Средние века. — 1958. — Т. 11.
84. Theophanes continuatus // Theophanes continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon magister. Georgius monachus / Rec. Im. Bekkerus — Bonnæ, 1838.
85. Рыжов С. Г. Отчет о раскопках X «А» квартала в Северном районе Херсонеса в 1988 году // Архив НЗХТ. — Д. № 2849/1.

86. Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий.— М., 1989.
87. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА.— 1959.— 63.
88. Белов Г. Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г. // Херсонесский сборник.— 1959.— Вып. 5.
89. Романчук А. И. Торговля Херсонесав VII — XII вв. // Byzantino-bulgarica.— Sofia, 1981.— Т. 7.
90. Сорочан С. Б. О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII — IX вв. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма.— Симферополь, 1995.
91. Vouon A. Lampes d'Argos // Etudes peloponnesiennes.— Paris, 1966.— Т. 5.
92. Стефан Савваит. Сказание о мученичестве св. отцов, избитых варварами Сарацинами в великой лавре преп. отца нашего Саввы // Сборник палестинской и сирийской агиологии / Изд. Аф. Ив. Пападопуло-Керамевсом с рус. пер. В. В. Латышева.— ППС.— СПб., 1907.— Вып. 57.— Т. 19.— Вып. 3.
93. Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Книга одиннадцатая и четырнадцатая // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. АН.— СПб., (1913) 1914.— Т. 90.— № 2.
94. Историческое сказание о подвижничестве св. великомученика Или Нового из Илиополитов, пострадавшего в Дамаске // Сборник палестинской и сирийской агиологии / Изд. А.И. Пападопуло-Керамевсом с рус. пер. В. В. Латышева.— ППС.— СПб., 1907.— Вып. 57.— Т. 19.— Вып. 3.
95. Аммиан Марцеллин. История / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского.— К., 1906.— Вып. 1.

SUMMARY

In the article the attempt on new is made to interpret the facts connected to a history of development of lighting devices in Greco-Roman and Byzantine company during transition from late antiquity to an early middle ages. The gradual curtailing of quantity production of clay lamps of a Roman type down to fall vanishing in VII century, their replacement small inexpressive opened lampions is explained not by crisis of craft, and parallel growth of production glass icon-lamps and especially waxen candles, which in the issue has gained top. In it to the author the natural change of epoch in evolution of lighting business is seen which was completed by cardinal revolution come on beginning of «dark ages».

